

Священные оковы договора

Д. Л. ДАВЫДЕНКО, директор Института международного частного и сравнительного права, кандидат юридических наук

ПОПУЛЯРНО О ВАЖНОМ

Клятвы и нерушимость договорных обязательств

Когда мы заключаем договор, нас обычно больше всего заботит, исполнит ли его наш контрагент так, как мы на это рассчитываем. Особенно это важно, когда на кону высокие ставки и договор заключается на годы... Так было во все эпохи. Но взгляд на договор стал иным.

Мы смотрим на него совсем иначе, чем наши далекие предки. Прочности договорных обязательств в древности и в Средние века очень помогало то обстоятельство, что исторически право покоилось на мифологическом и религиозном сознании. Когда с приходом эпохи рационализма и технократии право оказалось оторвано от религиозной нравственности, для обеспечения его требований всем тем, кто был заинтересован в его соблюдении, пришлось рассчитывать исключительно на рациональные светские механизмы принуждения. Сознание современного человека, хотя бы частично принадлежащего европейской цивилизации, обычно таково, что даже самая торжественная клятва и скрепленное на каждой странице целым набором печатей и подписей соглашение утратили священный характер как в глазах того, кто дает обязательства, так и в глазах того, в чью пользу они даются. Именно в этом коренится причина одной из самых острых проблем, связанных с медленным внедрением и распространением в России внесудебных методов дружественного урегулирования споров — проблемы обеспечения прочности обязательств, достигнутых в ходе примирительной процедуры и закрепленных в мировой сделке (мировом соглашении).

Что же предпринимали для закрепления мира прошлые поколения? Ниже речь пойдет, главным образом, о самом распространенном древнем способе обеспечения обязательств — священной клятве.¹

Во все исторические периоды люди, заключая важные для них договоры, стремились придать им форму, которая обеспечивала бы нерушимость закрепленных в них обязательств и их сакральный характер.

В Древнем мире договор рассматривался как магический объект. Поэтому при его заключении стороны обычно обращались к богам, чтобы те были свидетелями заключения договора и гарантами его исполнения. Кроме того, стороны произносили клятвы и проклятия против нарушителя договора.

Например, все эти меры были предусмотрены в договоре между египетским фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хаттушилем III (1278 г. до н. э.) (первом в истории известном мирном договоре). Этот договор был заключен в следующей форме. Проект договора, представленный царем хеттов, и сам договор были начертаны на серебряной доске. Его подлинность была удостоверена печатями и подписями. На проекте изображен царь рядом с богом

¹ Были и другие, например, поручительство, залог и заложенность, но они не являются предметом настоящей статьи. Подробнее см.: Давыденко Д. Л. Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

ветра и молнии Тешубом; на оборотной стороне — царица с богиней Солнца Аринной.

Как отмечают исследователи, такая форма и реквизиты договора стали образцом для всех последующих договоров не только царств Древнего Востока, но и Греции и Рима.²

В Древней Греции текст договора, включая клятвы, вырезался на каменном столбе-стеле и хранился в одном из главных храмов (в Афинах — в храме Афины-Паллады в Акрополе). Один экземпляр сдавался в государственный архив. Копии наиболее важных договоров хранились в национальных святилищах — в Дельфах, Олимпии, Делосе. Международные договоры составлялись на языке каждой из сторон.³ В договоре, известном как «Никиев мир» 421 г. до н. э., который был заключен после пелопонесской войны между Афинами и союзом государств во главе со Спартой, присяга была сформулирована следующим образом: «*Буду соблюдать условия и договор без обмана и по справедливости*». Присяга имела своего рода «срок службы»: было условлено возобновлять ее ежегодно и в каждом городе-участнике отдельно.

Даже в отсутствие клятвы религиозно-правовое сознание людей содержало высокий сакральный «барьер» для нарушения обязательств. Например, этрусский миф учил людей избегать посягательств на землю друг друга. Когда владыкой Этрурии стал один из богов-творцов Тиния, он увидел, что «*люди алчны и жадны, что они готовы захватить поля соседей, ибо границы полей никак не были обозначены. Землевладельцы говорили, что эта часть поля принадлежит им, а не соседям, и разгорались многочисленные распри. Тогда Тиния повелел, чтобы каждое поле было отмечено межевыми знаками, которые нельзя перемещать, и с тех пор границы полей стали неизменными. Тиния же установил, что захвативший чужие межевые камни или передвинувший существующие границы будет осужден богами. Охватят его различные болезни, нанесены ему будут раны, члены его будут разорваны, сам он будет уничтожен, а род его погибнет*»⁴.

Клятвы соблюдать договор обычно приносили обе стороны. При этом каждая сторона клялась по обычаю своих предков. Например, так в 433 г. (во времена Аттилы) принесли клятвы послы императора Византийского императора Феодосия II и гунны.

Скандинавские дружинники первых русских князей — Олега и Игоря, заключая мирные договоры с греками, также клялись по своим скандинавским обычаям — на оружии и кольцах, но именами славянских богов Перуна и Волоса. Считалось, что, раз дружинники пришли из славянских земель, теперь славянские боги стали и их богами, причем и в чужой земле эти боги властны над ними.⁵

Распространенной уловкой было сделать так, что запрещенные договором действия совершит не тот, кто давал клятву, а кто-то другой. Именно поэтому, например, посольское право Арабского халифата предписывало, что посол халифата при заключении договора должен требовать его клятвенного

² История дипломатии: [сб.] / Сост. А. Лактионов. М., 2006 (далее — История дипломатии). С. 14–16.

³ Там же.

⁴ Циркин Ю. Б. Мифы древнего Рима. М., 2004. С. 62–63.

⁵ Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М., 2005. С. 281.

скрепления, причем не только иностранным государем, но и его сыновьями и приближенными.⁶ Это делалось для того, чтобы иностранный государь не мог сослаться на то, что его близкие совершили действия в нарушение договора без его ведома и вопреки его воле.

На Руси международные и междукняжеские договоры утверждались целованием креста и обычно заключались в виде «крестных грамот».

Договоры Руси с Византией 911 и 945 гг. скреплялись клятвой. «Руссы-язычники клялись оружием своим, приговаривая: *«Да не имут помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щитами своими, и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия и да будут рабами в этой жизни и в той»*. Эта клятва сопровождалась всевозможными магическими обрядами: «некрещеная Русь» клала на землю щиты свои и мечи нагие, обручи и прочее оружие и произносила магическую формулу: *«Если мы не сохраним сказанного... да будем прокляты Богом, в которого верим, — Перуном и Велесом, скотьим богом, да будем золоты, как золото, и своим оружием да будем посечены»*. Представители Византии по христианскому обычаю «целовали крест». Это был также своего рода магический обряд, так как предполагалось, что нарушение крестного целования должно повлечь самые ужасные кары, по крайней мере, на том свете. Среди послов Игоря было несколько христиан; они тоже присягали на кресте».⁷

Если договор — магический объект, то соблюдение формальных правил при его заключении возводилось в абсолют. Для того, чтобы обязательства и обещания приобрели силу, необходимо было проследить за тем, чтобы они были сделаны в надлежащей форме.

Клятвы были верным спутником договоров вплоть до начала Нового времени. В особенности это касалось наиболее важных договоров. «Договоры в XVI–XVIII вв. утверждались по-прежнему присягой — «крестным целованием». Царь присягал в присутствии иностранных послов. Придворный протопоп после молебна читал «заклинательное письмо о содержании вечного покоя», за ним повторял слова царь, а «грамота докончальная»⁸ в то время лежит под Евангелием». По окончании чтения текста клятвы царь прикладывался к кресту, потом, взяв докончальную грамоту, отдавал ее послам. Исполняя со всей пунктуальностью требуемые обряды, цари так же внимательно наблюдали за исполнением их и противной стороной. Иван IV требовал, чтобы польский король при присяге прикладывался «в самый крест», а не «мимо креста, да и не носом», отчего магическая сила обряда терялась бы.

Утвержденный крестным целованием договор считался ненарушимым «во всех статьях, запятках и точках, безо всякого умаления... в целости». Форма договоров была заимствована из западноевропейских образцов.

До конца XVII в. московские государи договоров не подписывали, а подписывали вместо них царское имя дьяки, потому что «цари и бояре ни к каким делам руки не прикладывают, для того устроены думные дьяки».⁹

⁶ Мемуары Абу-л-фазля Бей-Хаки (XI в.), близко стоявшего к посольскому делу. Цит. по: История дипломатии. С. 122.

⁷ История дипломатии. С. 131.

⁸ То есть договор о мире.

⁹ История дипломатии. С. 287.

Надо признать, клятва была мощной, но вовсе не универсальной гарантией соблюдения сторонами своих обязательств. Даже при религиозном сознании средневекового общества священные клятвы не могли полностью обеспечить нерушимость данного слова, особенно, когда ставки были высоки. Вот один из примеров. Через четыре месяца после битвы на реке Немиге возле Минска, описанной в «Слове о полку Игоревом», киевский князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, предложил полоцкому князю Всеславу полюбовно разрешить спор. Изяслав дал присягу, что не причинит полоцкому князю никакого зла, и закрепил ее принародным целованием креста. Однако когда Всеслав с сыновьями пришли к нему в шатер, по приказу Изяслава все они были связаны и брошены в темницу. Вера не помешала князю Киева нарушить данную им клятву.¹⁰

Известны случаи, когда даже духовные лица считали допустимым нарушение клятвы, данной перед Богом. Один из таких случаев произошел в 1127 г. Как свидетельствуют историки, *«Игумен одного из киевских монастырей, Григорий, при поддержке созванного им церковного собора, понудил киевского князя Мстислава Владимировича нарушить договор с черниговским князем, заявив: «На мне пусть будет грех, если преступишь крестное целование». Мстислав «сотворил волю» духовенства и, по словам летописца, раскаивался в этом всю жизнь»*¹¹.

Однако эти исключения не отменяют всеобщего правила: хотя священная клятва ограждала от нарушения договора не всегда, она была гарантией соблюдения договорных обязательств, пожалуй, не менее надежной, чем светские механизмы принуждения в современном мире.¹²

В наши дни вера в мистический характер правовых обязательств слаба, но жива и тоже иногда помогает обеспечению их исполнения. Так, один преподаватель гражданского права МГИМО на своей лекции делился своим способом обеспечения обязательств: он невзначай рассказывал своим должникам о том, что со всеми его бывшими неисправными должниками вскоре после невозврата долга случались большие несчастья. Подразумевалось, что это происходило именно по причине нарушения ими обязательств перед ним. По его словам, такое «ненавязчивое» предупреждение обычно помогало.

Не нарушайте договор: дурная примета!

Внутренний мир среднего современного человека, по крайней мере, живущего в России, содержит много иррационального. Кто только не следит за тем, чтобы ни в коем случае не прощаться через порог, строго одергивая тех, кто поступает подобным образом; или кто не следит за тем, чтобы не идти по дороге, которую перешел невезучий черный кот. По данным исследования «Левада-Центра», только за два последних года количество верящих в приметы увеличилось на 9%, а признающих вещие сны — на 17%. При этом большую часть верящих в приметы, как ни странно, составляют молодежь и лица с высоким социальным статусом.¹³ Наверное, жаль, что среди распространенных

¹⁰ Арлоў У., Сагановіч Г. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862–1918 гг.): Падзеі, даты, ілюстрацыі. Вільня, 2000. С. 28.

¹¹ История дипломатии. С. 145.

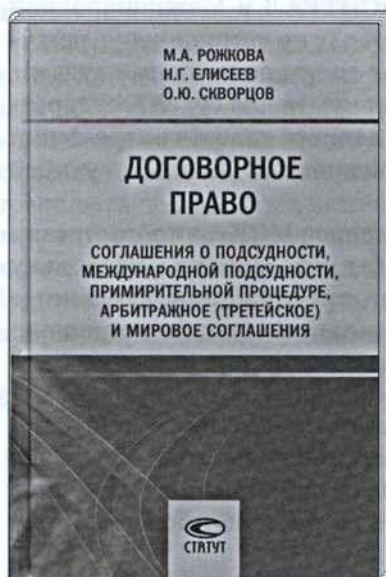
¹² Митрохина К. Клятвы и заклания // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2007. № 3. С. 89.

¹³ Носырев И. Возвращение Барабашки // РБК. 2008. № 5. С. 195.

среди россиян верований пока не нашлось места вере в губительные последствия нарушения обещаний, клятв, договоров, несоблюдение третейских и судебных решений. Причиной тому, по-видимому, стал разрыв между правом и моралью, как духовной, так и светской. Испытывая на своем личном опыте действие (и недействие) законов, многие приходят к убеждению, что правовые установления никак не связаны с нравственными заповедями и порой даже противоречат им. Поэтому нарушение законов и договоров не считается чем-то аморальным. Клятвы и присяги принимают военнослужащие, врачи, президенты... Вопрос состоит в том, какое значение клятва и присяга имеют в их глазах.

Можно возразить, что страх перед божественной или потусторонней карой как мотив для соблюдения обязательств вряд ли совместим с принципом свободы воли каждого индивидуума в современном мире. Действительно, наилучший мотив для того, чтобы держать данное слово — личное достоинство, понимание, что «потерять деньги — ничего не потерять, потерять честь — все потерять». Но, думается, мир много выиграет, если договорные обязательства, да и право в целом, будут иметь в глазах общества в высокой степени сакральный характер. Разве не это подразумевается, когда мы говорим о построении «правового государства», даже если допустить, что оно является ни чем иным, как идеалом?

Обзор литературы

Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю.
Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Под общей ред. М. А. Рожковой. — М.: Статут, 2008. — 525 с.
ISBN 978-5-8354-0484-1 (в пер.)

Монография посвящена договорам, которые заключаются в связи с уже возникшим или возможным в будущем правовым спором: соглашению о подсудности, соглашению о международной подсудности, арбитражному (третейскому) соглашению, соглашению о примирительной процедуре и мировому соглашению. В книге подробно рассматриваются выявленные теорией и практикой проблемы этих соглашений, связанные с порядком их заключения, формой и содержанием, их дей-

ствительностью и исполнением.

Первое в России издание, полностью посвященное анализу указанных соглашений, будет полезно не только практикующим юристам, но и теоретикам права.